

Лич 8-20 Лич
22, 23, 24, 33, 38-44, барг Чвот

№ 1
(74)

ЭХО

III-ой
годъ изданія

0/476

„AIDAS“

„AIDAS“

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ „ЭХО“ 1925 м.

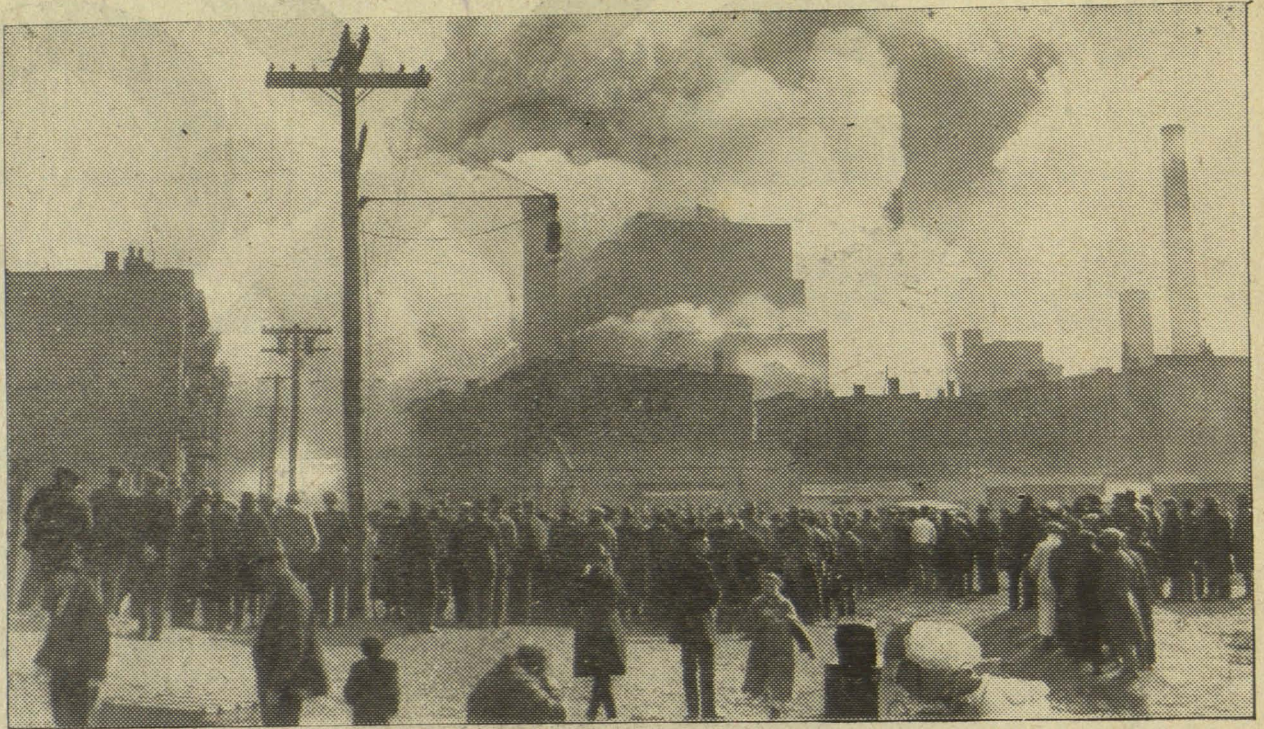

1928
7573

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Оригинальный рисунокъ Lotte Pfeil.

ВО-
КРУГЪ
СВѢТА.

Вверху:

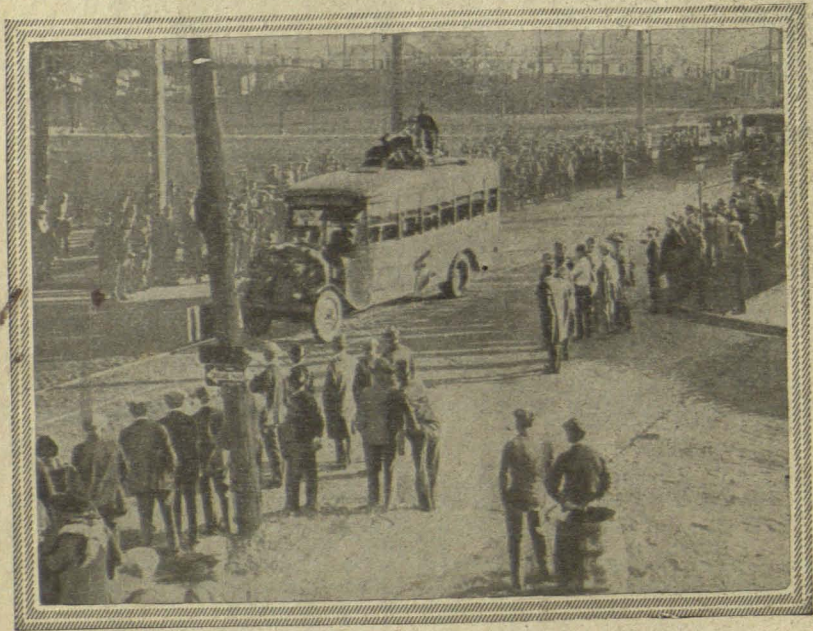
Грандиозный взрывъ подь Нью-Йоркомъ. Въ Джерси-Сити близь Нью-Йорка произошелъ грандиозный взрывъ фабрики седитры, повлекшей за собою многочисленные человеческия жертвы и разрушившей болѣе 35 домовъ. Свыше 2500 семействъ остались безъ крова.

Слѣва:

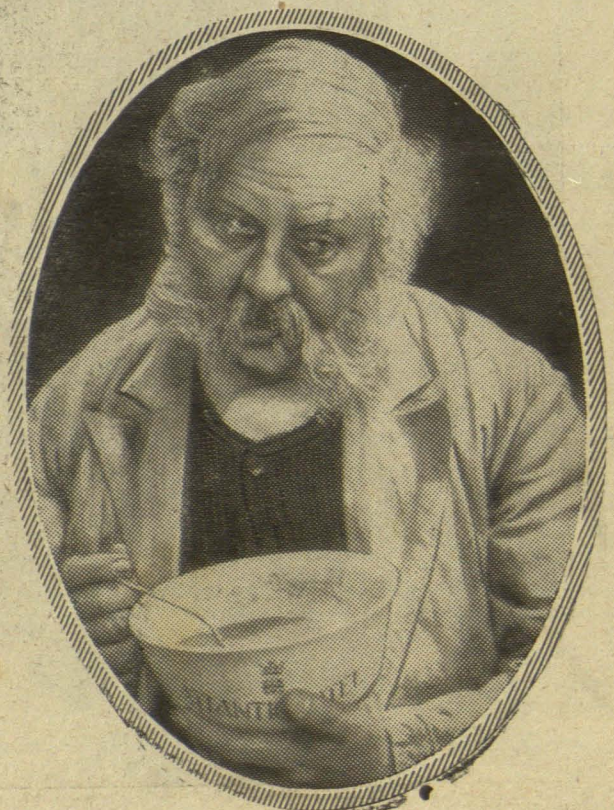
Кризисъ фашизма. Итальянская фашистская милиция въ Римѣ демонстрируетъ въ пользу Муссолини въ связи съ намѣчающимся кризисомъ фашизма.

Внизу:

Знаменитый германскій кино-актеристъ Эмиль Янингсъ въ новой картинѣ „Последній человекъ“, являющейся въ настоящее время сенсацией берлинскаго кинематографическаго мира.

Борьба съ Ку-Ку-Кланомъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ усугубило въ активную борьбу съ тайной американской фашистской организаціей Ку-Ку-Кланъ. Для ликвидаціи кукуклановскаго движенія принимаются самыя рѣшительныя мѣры вплоть до операцій при помощи бронированныхъ автомобилей.

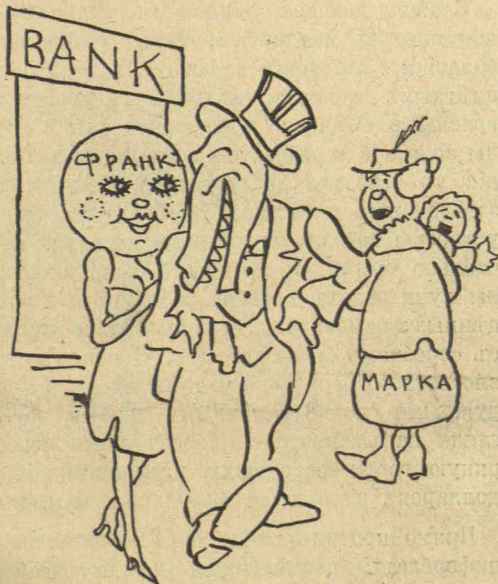
МОРСО Д'ИСТУАРЬ.

Текст ЖАКЪ НУАРА.

Рисунки П. ПЕРОВА.

1.

... И были дни — гласить былина —
Лже-эмигрантскій нуворишь
Изъ обнищавшаго Берлина
Пошелъ походомъ на Парижъ.
Въ вагоны лѣзли содержанки
И жены, грузныя, какъ танки.
Парижъ, Парижъ, Парижъ,
Ты радость намъ сулишь!...

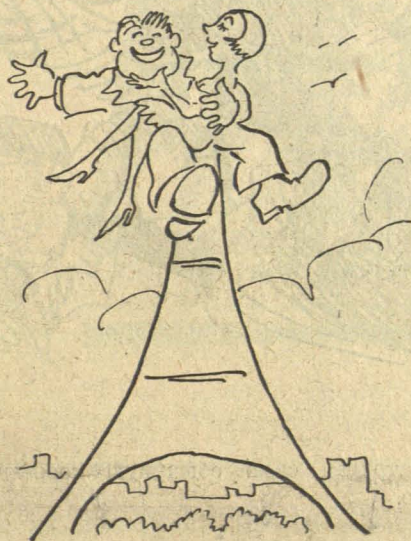
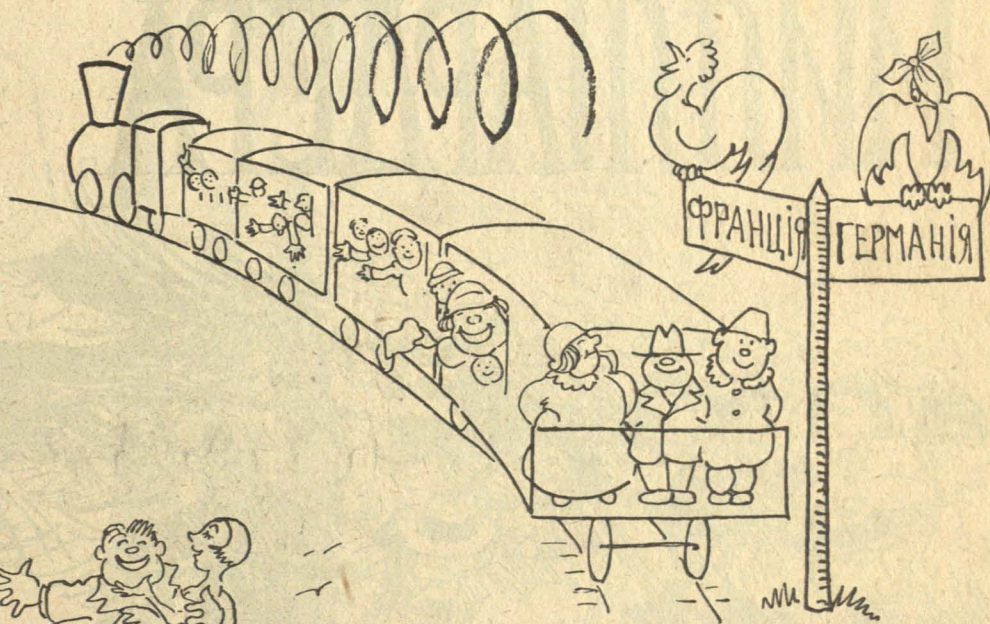

2.

Толпа двуногихъ крокодиловъ
Уже съ утра стремилась въ банкъ.
Все превратились въ франкофиловъ, —
Все полюбили падшій франкъ...
А хоръ изъ женъ и содержанокъ
Пѣлъ на подобіе шарманокъ:
— Туда! Да здравствуетъ, ура,
Инфляціонная пора!

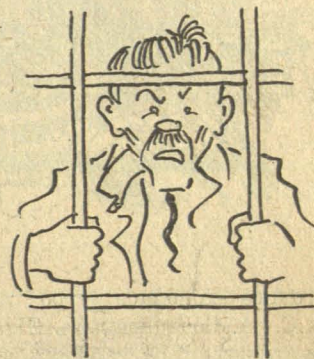
3.

Забыты съ бѣдной маркой шапки, —
Ее смѣнили другой «предметъ».
И съ гордой Эйфелевой башни
Летить въ сухой Берлинъ привѣтъ.
— Друзья, чудесно жить въ Парижѣ
И сознавать, что франкъ все ниже!
Тужуръ. Бонжуръ. Мерси.
Патри. Пари. Пасси.

4.

Не долго длился «мѣсяцъ меда»
Быль принять рядъ строжайшихъ мѣръ.
И «франкофильская» порода
Опять лишилась piede à terre,
Въ Берлинъ пришли дурныя вѣсти:
NN сбѣжалъ, а Игрекъ въ бѣстѣ,
У Зета въ касѣ шишь. —
Ну, вотъ Вамъ и Парижъ!

5.

... И дни пришли, гласить былина, —
Утративъ чванство и престижъ, —
На гладкихъ улицахъ Берлина
Стоитъ помятый нуворишь.
Въ кафе вновь зазвучали рѣчи:
— Ахъ, сколько горя и увѣчій...
Ахъ, у кого занять
До завтра марокъ пять?

ПРИЧУДА МИЛЛИАРДЕРА

Въ новогоднее холодное утро жители города N въ С. - А. Соединенныхъ Штатахъ, проснувшись, увидѣли на заборахъ и стѣнахъ домовъ исполинскія ярко-красныя и желтыя афиши, на которыхъ саженными буквами было напечатано слѣдующее:

«Вниманіе, вниманіе, вниманіе!

«Джонъ Мендсонъ, страдая сплиномъ, ищетъ развлечения и льститъ себя надеждой, что родной городъ, безмѣрная глупость обитателей котораго хорошо ему извѣстна, доставитъ ему немало сильныхъ впечатлѣній.

«Симъ Джонъ Мендсонъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ бѣдняки, нуждающіеся и вообще люди, желающіе обезнечить себя на старость, въ четвергъ и пятницу будутъ допущены въ погребъ, гдѣ хранятся его сокровища: золота, серебро, кредитныя бумаги и драгоценныя камни.

«Желающіе по очереди будутъ пропускаться, въ погребъ, причѣмъ каждому будетъ дано 50 секундъ времени, чтобы, переступивъ порогъ, пройти къ ящикамъ съ деньгами, взять, что ему заблагоразсудится и уйти. Но если кто промедлитъ въ погребѣ хотя бы одну лишнюю секунду, то уговоръ его съ Джономъ Мендсономъ будетъ считаться нарушеннымъ и поставленные въ погребѣ сильные, хорошо вооруженные люди насильно заставятъ его вернуть все взятое имъ.

«Двери дворца откроются ровно въ 2 часа и закроются въ 4.

Подписано: Джонъ Мендсонъ».

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней весь городъ былъ охваченъ горячкой.

А Джонъ Мендсонъ между тѣмъ сидѣлъ въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ,

просматривая свою обширную корреспонденцію.

Еще свѣтъ газовыхъ фонарей разсѣивалъ мракъ ночи, когда гигантская змѣя охваченныхъ жадной обогащенія людей, извиваясь, заняла всю Викторія-Стритъ, тянущуюся на протяженіи двухъ англійскихъ миль.

Къ одиннадцати часамъ Викторія-Стритъ была сплошь усеяна людьми, это было море головъ, заливавшее всю улицу вдоль и поперекъ, изрѣдка лишь перерѣзываемое омнибусами и собственными экипажами. И лишь необычайной осторожности возницъ слѣдуетъ приписать небольшое количество испавшихъ подъ колеса людей.

Къ часу дня ѣзда совершенно прекратилась.

А Джонъ Мендсонъ между тѣмъ въ послѣдній разъ осматривалъ всѣ приготовленія.

Миллиардеръ принялъ всѣ мѣры предосторожности. На каждой ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ погребъ съ сокровищами, стояло по два рослыхъ молодца въ кожаныхъ одеждахъ, съ веревками у пояса.

У самаго входа въ узенькій коридорчикъ, по которому могъ идти лишь одинъ человекъ, стояло шестнадцать хорошо вооруженныхъ парней. Изъ коридорчика въ хранилище сокровищъ вела высокая дверь, выкованная изъ стали, которая моментально закрывалась посредствомъ какой-то таинственной пружины, секретъ которой былъ извѣстенъ одному лишь Джону Мендсону, такъ что послѣдній могъ по своему желанію человекъ, проникшаго къ его сокровищамъ, на всю жизнь отдѣлать отъ внѣшняго міра.

Главная пещера, длиною въ тридцать и шириною въ двадцать футовъ, освѣщалась большимъ вертящимся фонаремъ изъ трехъ цвѣтныхъ стеколъ: бѣлыхъ, голубыхъ и красныхъ. При его трепетномъ свѣтѣ груды золота и серебра то сверкали, какъ молнія, то исчезали въ полутьмѣ, то мерцали загадочнымъ свѣтомъ. Вдоль стѣнъ были устроены засѣки, перегороженные на нѣсколько частей, въ которыхъ были насыпаны кучи золота, серебра, жемчуга и драгоценныхъ камней. Но лишь только ящикъ съ серебромъ былъ открытъ. При немъ стояло четверо вооруженныхъ людей съ равнодушными словно каменными лицами, зорко глядя на высившуюся передъ ними серебряную гору, состоявшую изъ полмилліона долларовъ вѣсомъ въ 12 000 килограммовъ.

Прямо противъ входа висѣлъ гигантскій циферблатъ, раздѣленный на пятьдесятъ частей, а большая черная стрѣлка быстро перепрыгивала съ одной черточки на другую, точно обозначая невѣроятную краткость секунды.

Расчетъ Джона Мендсона былъ очень простъ.

Если допустить, что найдется человекъ, прекрасно владѣющій собою, который сумѣетъ благоразумно распорядиться данными ему пятьюдесятью секундами, то все-таки ему не унести болѣе 700 долларовъ. Погрузивъ руки въ кучу съ серебромъ, можно захватить каждой рукой по восьми-десяти долларамъ не больше. Чтобы положить взятыя деньги въ карманъ либо захваченную съ собой посуду нужно время, слѣдовательно эту манипуляцію можно повторить не свыше 39 разъ. А 39 разъ по 20 долларамъ составитъ всего 780 долларовъ.

Сдѣлавъ это вычисленіе, Джонъ Мендсонъ предался болѣе пріятнымъ размышленіямъ. Заложивъ за спину руки онъ шагнулъ по тѣнистой аллеѣ парка и вспоминалъ всѣ извѣстные ему случаи, когда сильное волненіе и неожиданная радость лишили людей разсудка и вызывали у нихъ разрывъ сердца.

Вотъ уже два года, какъ онъ страдаетъ сплиномъ, и въ продолженіе этихъ двухъ томительныхъ лѣтъ, онъ ни разу не испытывалъ такого сладостнаго волненія, какъ теперь... Въ теченіе двухъ дней ему суждено быть исповѣдникомъ тысячь людей.

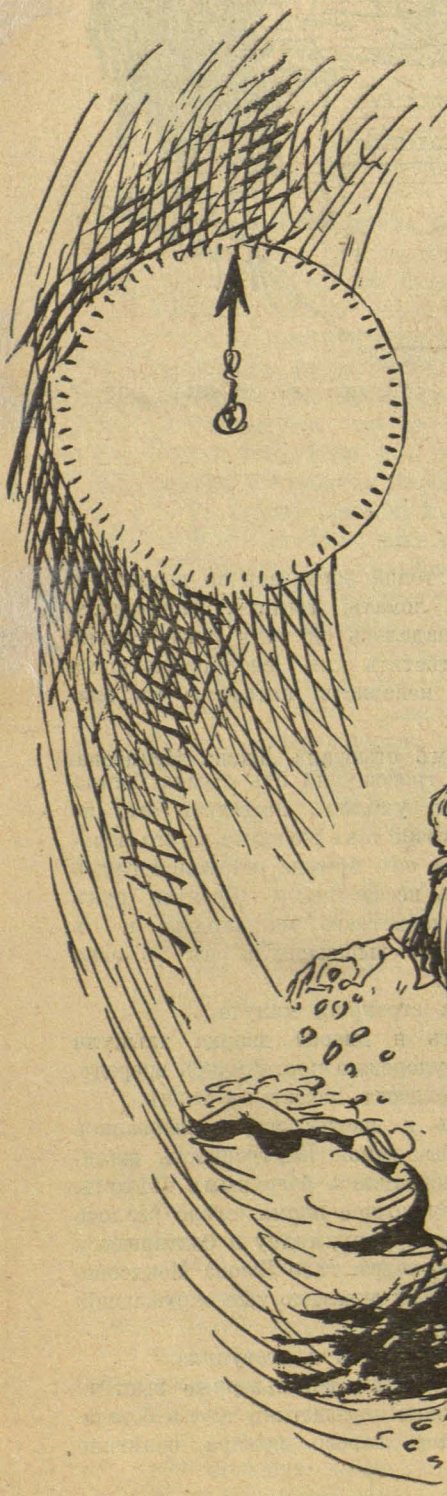
И Джонъ Мендсонъ съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго имъ часа.

Башенные часы пробили два, и ихъ удары прозвучали, какъ труба архангела, для тѣхъ, кто стоялъ на площади, съ глазами, устремленными на часовую стрѣлку. Вдругъ изъ всѣхъ грудей вырвался дикій радостный крикъ... Человѣческія волны хлынули къ воротамъ дворца... Раздались вопли смятыхъ толпой...

* * *

Спрятанный въ глубинѣ ложи Джонъ Мендсонъ услышалъ шаги перваго посѣтителя...

Вотъ онъ идетъ. Онъ очевидно бѣденъ, но однако еще не впалъ въ нищету. Его поношенная одежда тщательно вычищена и имѣетъ вполнѣ приличный видъ. Онъ молодъ — это еще юноша. Остановившись на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, онъ горящимъ взглядомъ окинулъ внутренность пещеры. Еще шагъ, и началась первая секунда изъ пятидесяти.

Стоя на лѣстницѣ, онъ хладнокровно изучалъ мѣстоположеніе, но спустившись внизъ, онъ, словно охваченный безуміемъ, бѣшено кинулся впередъ и запустилъ руки въ сверкающую кучу серебра.

Набивъ доверху карманы, онъ взглянулъ на циферблатъ. Оставалось еще шесть съ половиной секундъ...

Lamen- Kleidung

Mäntel
Fackelkleider
Sarmete Kleider
Kostüm-Öcke
Blusen
Morgenröcke
Kinderkleidung
Sportkleidung
Delz-Abteilung

In unserem Salon
Mass-Anfertigung
nach den
neuesten Modellen

Massen

Leipzigerstrasse 42 Ecke Karlgrafenstr. Oranienstrasse 165 Am Oranienplatz

Онъ съ лихорадочной поспѣшностью насыпалъ доверху серебромъ свою шляпу и нервно смѣясь кинулся къ выходу. Еще три шага! Два!.. И онъ богатъ!

Но старая шляпа, сожженная солнцемъ, прогнившая отъ дождя и снѣга, не выдержала тяжести серебра — прорвалась по серединѣ, и все содержимое ея высыпалось на полъ. Юноша остановился на секунду и помчался дальше. Но тутъ накинудись на него вооруженные люди и опорожнили его карманы... Прошла секунда сверхъ срока!

Онъ не сопротивлялся и пассивно позволилъ отнять у него все взятое имъ серебро. Шатаясь онъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ и вышелъ на свѣтъ Божій.

А толпа, съ нетерпѣніемъ ожидавшая его возвращенія, зловѣщимъ хохотомъ приветствовала его мертвенно-блѣдное лицо, его движенія безумца, его блуждающій взоръ...

А въ погребъ между тѣмъ спускался второй гость.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, чисто и прилично одѣтый. Его блѣдное лицо носило слѣды пережитыхъ мукъ и лишений. Онъ лихорадочно кинулся къ ящику съ серебромъ, погрузилъ въ него по локоть руки и сталъ пересыпать блестящія монеты. Вдругъ онъ разразился дикимъ хохотомъ, который затѣмъ перешелъ въ протяжный вой.

Онъ лишился разсудка...

Вооруженные люди вывели его.

Третьяго посѣтителя тоже постигла неудача. Онъ пробылъ въ пещерѣ лишнюю секунду...

Инстинктивно несчастный угадал кто скрывался въ закрытой ложѣ. Онъ упалъ на колѣни, плакалъ, рыдалъ, говорилъ о своей больной женѣ, о малыхъ дѣтяхъ... Онъ весь корчился отъ судорожныхъ рыданій. Онъ рыдая умолялъ каменную глыбу сжалиться надъ нимъ, воображая, что за этой глыбой скрывается существо, обладающее сердцемъ...

Онъ ревѣлъ и вылъ съ отчаянія.

Но камень оставался недвижимъ и безгласенъ!

Пришли вооруженные люди, взяли его подъ руки и вывели изъ погреба.

Онъ вышелъ на улицу согорбленный, осунувшійся, постарѣвшій.

На этотъ разъ толпа осталась нѣмой. Она встѣтила новую жертву гробовымъ молчаніемъ.

И продолжалось угрюмое паломничество въ казнохранилище богача, пока четыре удара башенныхъ часовъ не оповѣстили народъ, что на сей день забава Джона Мендсона закончена.

Толпа молча разошлась.

* * *

Триста человѣкъ обоого пола, различнаго возраста, посѣтили казнохранилище миллі-

Многія деревья парка Франклина и улицы Вашингтона украсились человѣческими плодами. А на боковыхъ улицахъ валялись трупы съ прострѣленными револьверными пулями головами.

Это переполнило чашу терпѣнія народа. Настроеніе толпы рѣзко измѣнилось. Всѣхъ охватила бѣшеная злоба.

Возбужденные люди стали собираться небольшими группами. Брань и проклятія носились въ воздухѣ, ударяясь о стѣны дворца Джона Мендсона.

Наступила ночь и окутала чернымъ флеромъ приготовленія къ чему-то страшному, небывалому.

Въ полночь городъ представлялъ странное зрѣлище. Тысячная толпа, злобщая и молчаливая, направлялась по Викторія-Стритъ къ дому милліардера. Она состояла изъ людей различнаго возраста, званія

ардера. Изъ нихъ только двумъ лицамъ повезло... Одинъ унесъ 750 долларовъ, другой — нѣсколько меньше.

Джонъ Мендсонъ, вернувшись въ свой кабинетъ, рассчиталъ, что смѣло можетъ устраивать и впредь такія забавы.

На слѣдующій день богачъ снова наслаждался небывалымъ зрѣлищемъ.

Но... по городу разнеслась вѣсть, что многіе изъ посѣтившихъ наканунѣ казнохранилище милліардера покончили жизнь самоубійствамъ.

и состоянія. Всѣ они были вооружены револьверами, либо палками.

Полиція не препятствовала шествію.

Среди ночной тиши слышался лишь топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ, да волной прокатывался сдержанный шопотъ разговоровъ. Поровнявшись съ дворцомъ, толпа остановилась, а затѣмъ тѣснымъ кольцомъ окружила его. Часть ея направилась къ воротамъ.

Подъ мощными ударами наступающихъ ворота дрогнули и съ трескомъ упали...

Наконецъ толпа ворвалась во дворецъ и стала бить, ломать, топтать, уничтожать все, что попадалось ей подъ руку, словно желая вымѣстить на недодушевленныхъ предметахъ ненависть, питаемую къ владыкѣ ихъ.

Съ трудомъ отыскали Джона Мендсона. Блѣдный, трепещущій отъ страха богачъ на колѣняхъ умолялъ пощадить его, но толпа была точно такъ же глуха къ его мольбамъ, какъ и онъ прежде оставался глухъ къ мольбамъ несчастныхъ. Десятки рукъ схватили ненавистнаго милліардера и съ дикимъ ревомъ вышвырнули его въ окно на мостовую.

Наступила страшная минута.

Изъ оконъ и дверей дворца хлынули сѣчи рукъ судорожно протянулись впередъ, и Джонъ Мендсонъ исчезъ въ толпѣ.

Изъ оконъ и дверей дворца вырвались густые клубы дыма. Внутренность жилища богача освѣтилась багрянымъ свѣтомъ. Гордое, побѣдоносное пламя смѣло рвалось вверхъ, озаряя улицу, толпу и болтавшееся на сосѣднемъ кедрѣ тѣло Джона Мендсона.

Но вотъ пламя охватило уже окружающія дворецъ деревья.

Толпа колыхнулась и отступила.

Раздались частые револьверные выстрѣлы, моментально изрѣшетивъ трупъ богача.

Побѣдоносное зарево пожара освѣтило весь городъ.

Съ англійскаго О. ВИШНЕВСКАЯ.

Пражская группа Московского Художественного Театра.

(Къ подготовляемой гастрольной поѣздкѣ по балтійскимъ государствамъ).

Гречъ-Клементи
„Битва жизни“

Вырубовъ-Незнакомецъ
„Женщина съ моря“

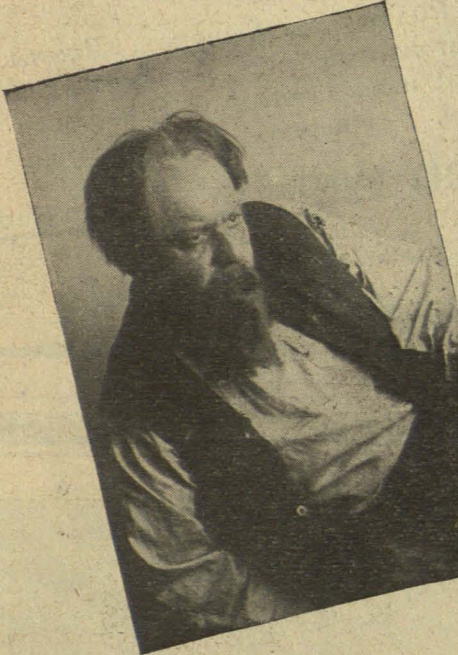
Крыжановская-Мейонъ
„Битва жизни“

Токарская-Арина Пантелей-
моновна. „Женитьба“

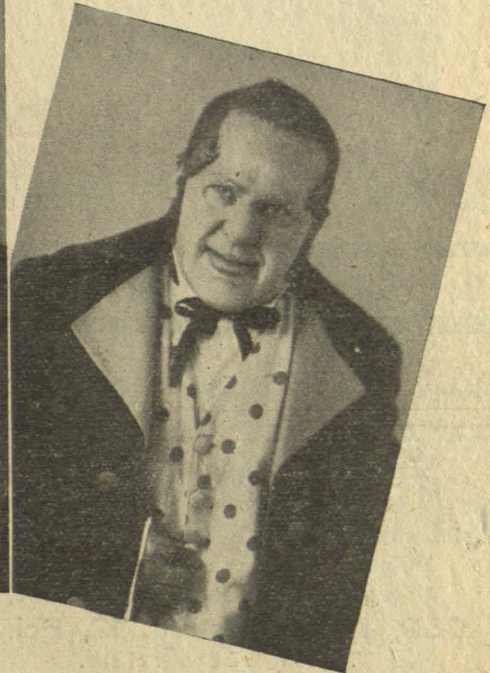
Краснопольская-Грессъ
„Битва жизни“

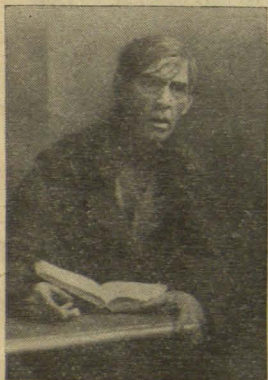
Массалитиновъ-Сатинъ
„На днѣ“

Германова-Грушенька
„Братья Карамазовы“

Павловъ-Подколесинъ
„Женитьба“

Шаровъ-Смердяковъ
„Братья Карамазовы“

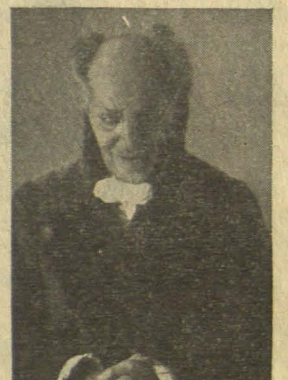
Сѣровъ-Бриттенъ
„Битва жизни“

Бакшеевъ-Митя
„Братья Карамазовы“

Васильевъ-Алешка
„На днѣ“

Комисаровъ-Снитчи
„Битва жизни“

А. М. Тамировъ
(портретъ)

Landeshuter Leinen- und Gebildweberei
F.V. Grünfeld
 Größtes Sonderhaus für Leinen und Wäsche

Luxuswäsche H A N K Gebrauchswäsche

Berlin W. 6. Leipziger Straße 20-22

Читайте въ слѣдующемъ номерѣ:

Ибнъ-Али-Бей

(русскій оккультистъ)

Страничка пережитого.

ЭЛЕКТРО-МЕДИЦИНСКІЕ АППАРАТЫ:

Фень. / Радиолуксъ. / Санаксъ. / Лампы
 для свѣтового леченія. / Аппараты для
 массажа и ингаляци. / Согрѣвающія
 подушки, / Спирали для кипяченія.

M. Pech Akt.-Ges. für sanitären Bedarf

BERLIN W 35, AM KARLSBAD 15

28 собственныхъ магазиновъ.

Салонъ Модъ **Wincenty**

МЪХА, ПАЛЬТО и КОСТЮМЫ

Первоклассное выполнение.

Передѣлка по новѣйшимъ моделямъ.

Berlin W 50, Bamberger Str. 12, Ecke Motzstr.

Telefon Lützow 1315.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

всѣхъ видовъ, наилучшаго качества

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ

Юлій Генрихъ
Циллиерианъ

LEIPZIG, Querstr. 26-28

BERLIN, Jägerstr. 25

Я ѣмъ
 шоколадъ
 ТОЛЬКО
 Акц.-О-ва
„TILKA“
 КОВНО.

Первый концерт

3 января в Берлине торжественно празднуется 15-лѣтне сценической дѣятельности Н. В. Плевицкой. Въ только что вышедшей своей «автобиографіи»: «Дежкинъ Карагодъ» Н. В. такъ описываетъ свое первое концертное выступленіе:

Въ Москвѣ успѣхъ у меня былъ большой и потому предложеній было много.

На зиму я возобновила контрактъ къ «Яру», а на осень, за большой гонораръ, подписала контрактъ на Нижегородскую ярмарку, къ Наумову. По программѣ я стояла послѣдней и выступала въ половинѣ перваго ночи.

Въ залѣ обычно шумѣли. Но когда на завѣсѣ выбрасывали аншлагъ съ моимъ именемъ, зало смолкало. И было странно мнѣ, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокругъ бутылокъ тѣснились люди. Бутылокъ множество и выпито вѣроятно не мало, а въ залѣ такая тишина.

Чего притихли? Вѣдь только что предо мной талантливая артистка, красавица, пѣла очень веселыя игривыя пѣсни, и въ залѣ было шумно.

А я хочу пѣть совсѣмъ невеселую пѣсню. И они про то знаютъ, и ждутъ. У зеркальныхъ стѣнъ, опустивъ салфетки, стоятъ, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, всѣ посмотрятъ, зашикаютъ. Такое необычайное вниманіе я не себѣ приписывала, а русской пѣснѣ. Я только касалась тѣхъ тихихъ струнъ, которыя у каждого человѣка такъ свѣтло звучатъ, когда ихъ тронешь...

Помню, какъ-то за первымъ столомъ, у семей сцены, сидѣлъ старый купецъ, борода въ серебрѣ, а за нимъ другой, помоложе. Когда я запѣла «тихо тащится лошадка», старикъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня и вдругъ, точно разсердясь, отвернулся. Молодой что-то ему зашепталъ, сконфузился.

Я подумала, что не нравится старому купцу моя пѣсня, онъ пришелъ сюда веселиться, а слышитъ печаль.

Но купецъ повернулъ снова къ сценѣ лицо и я увидѣла, какъ по широкой бородѣ, по серебру, текутъ обильныя слезы. Онъ за то разсердился, что не могъ удержаться, на людяхъ показалъ себя слабымъ.

Заканчивала я, помню еще, свой номеръ «Ухарь - Купецъ». Послѣ словъ «а дѣвичью совѣсть виномъ залила», подъ бурный темпъ, махнувъ рукой, уходила я за кулисы въ горестной пляскѣ, и вдругъ слышу изъ публики, среди рукоплесканій:

— Народная печальница плясать не смѣетъ.

Видно, кто-то не понималъ моей пляски, а пляской-то я и выражала русскую душу: вотъ плачетъ-надрывается русский, да вдругъ какъ хватить кулакомъ, шалкой о земь, да въ плясъ.

Когда я пѣла въ ресторанѣ Наумова, въ нижегородскомъ оперномъ театрѣ гастролировалъ Собиновъ.

Разъ онъ пришелъ къ Наумову ужинать. Во время моего выхода, онъ, какъ видно, наблюдалъ публику, а потомъ зашелъ ко мнѣ, познакомился, и сказалъ:

— Заставить смолкнуть такую аудиторию можетъ только талантъ. Вы талантъ.

Всякій пойметъ мое радостное волненіе, когда я услышала изъ устъ большого художника, которымъ гордилась Россія, такая лестныя для себя слова.

А Леонидъ Витальевичъ оказалъ мнѣ и еще большую честь: онъ пригласилъ меня пѣть въ своемъ концертѣ, который устраи-

валъ съ благотворительной цѣлью въ оперномъ театрѣ.

Распрощавшись со мной, Собиновъ ушелъ. Онъ и не зналъ вѣрно тогда, что благодаря ему выросли у меня сильныя крылья.

На другой день мнѣ доложили, что меня желаютъ видѣть Собиновъ. Я была чрезвычайно польщена. Помню, онъ принесъ мнѣ приглашеніе на завтрашній концертъ. Шутка ли, пѣть первый разъ въ большомъ театрѣ, да еще съ Собиновымъ?

Я глубоко волновалась, надѣла лучшей туалетъ, какой у меня только былъ, и съ трепетомъ вошла въ театръ.

Въ концертѣ участвовали Собиновъ, Фитнеръ, Ренэ Фитнеръ, еще оперные пѣвцы, и я между ними — совершенное равенствіе и музыкальное беззаконіе.

Завѣсѣ взвился. Вышелъ Леонидъ Витальевичъ.

Разсказывать не приходится, какъ онъ пѣлъ, и какъ дрожала театръ отъ рукоплесканій. Послѣ него шѣлъ дуэтъ оперныхъ пѣвцовъ, а за дуэтомъ вышла я.

Сначала я такъ трепетала, чуть не падала, но послѣ первой пѣсни горячія рукоплесканія сблизили меня съ публикой. Я совсѣмъ перестала волноваться и захотѣ-

лось мнѣ разсказать пѣсню простую, печальную...

Мой огромный успѣхъ доставилъ Собинову большое удовольствіе. Я видѣла, какъ онъ радостно потиралъ руки, а его глаза сияли.

На утро въ мѣстной газетѣ былъ отзывъ о концертѣ. Обо мнѣ тамъ было написано, что кафепантайная пѣвица тоже какъ-то попала среди артистовъ. Леонидъ Витальевичъ ѣздилъ въ редакцію, сказалъ нѣсколько неприятныхъ словъ писавшему, и далъ понять, что онъ Собиновъ тоже что-нибудь да понимаетъ въ искусствѣ.

Я не была знакома съ Леонидомъ Витальевичемъ раньше и Нижній — мое первое съ нимъ знакомство.

Кто имѣетъ удовольствіе знать лично Собинова, тѣмъ известно сколько въ немъ благородной простоты большого артиста и хорошаго человѣка.

Благодарна я ему и нынѣ, что онъ поставилъ меня рядомъ съ собою на почетныя подмостки большого театра въ тысячу девятсотъ девятомъ году.

Н. Плевицкая

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Глава из повѣсти „Игрушки“).

Черноморь, освѣщенный ослѣпительнымъ свѣтомъ въ витринѣ антикварнаго магазина на углу Тауентциенштрассе, былъ великслѣпень. Даже самъ Адольфъ Грюнке, запирая этотъ вечеръ свой магазинъ, невольно залюбовался его царственной осанкой и расписнымъ его нарядомъ.

Да... самъ герръ Адольфъ Грюнке бросилъ на него дружелюбный взоръ, но выйдя на улицу, тотчасъ же забылъ о немъ — весь сжался сразу отъ непривычнаго мороза, и подпрыгивая холодомъ, помчался къ себѣ на Курфюрстенштрассе.

Отъ огромнаго стекла, уже замороженнаго снизу, вѣяло буквально полярной зимой, а Черноморь, ощущая это полярное дыханіе, уже перевидавшій виды на своемъ вѣку, не унывалъ нисколько и, кутаясь въ свою длинную бороду, въ отрѣзанную когда-то Пушкинскимъ Русланомъ бороду до самаго полу, казался и энергически непреклоннымъ и даже чуть веселымъ.

А на Тауентциенштрассе, дѣйствительно, трепалъ морозъ и гонялся по пятамъ за справляющими рождественскіе праздники берлинцами.

Герръ Адольфъ Грюнке степенно поднимался на четвертый свой этажъ на Курфюрстенштрассе, когда въ великолѣпной витринѣ его антиквариата снова начался обычный, какъ и во все другіе до этого дня вечера и ночи, разговоръ. И какъ всегда, болѣе другихъ и громче всего говорилъ неутомимый Ванька-Встанька.

Въ эту послѣднюю недѣлю игрушки особенно часто вспоминали свою бѣженскую жизнь въ Финляндіи. Привезенныя на улицы Берлина и выставленныя посреди Тауентциенштрассе рождественскіе елки навѣяли имъ эти неотвязныя воспоминанія о далекой Финляндіи въ снѣгахъ, о бѣлой Финляндіи, сплошь разукрашенной елками, и о томъ первомъ ихъ Рождествѣ, которое проводили они вмѣстѣ съ сѣроглазымъ Алешей, съ его больной мамой, съ непокладящей руки тетей Нюрой и огромнымъ дѣдомъ Степаномъ.

Да... и въ этотъ вечеръ игрушки все вспоминали тотъ далекий финскій домикъ на берегу огромнаго сумрачнаго финскаго озера, гдѣ однажды суждено было имъ всѣмъ: и Черномору, и Ивану-Царевичу, и Бабу-Ягѣ съ чернымъ котомъ на плечѣ, и неутомимому Ванькѣ-Встанькѣ, всѣмъ суждено было возникнуть изъ небытія въ бытіе подъ настойчивымъ упорствомъ Алешиной мамы и Алешиной тети Нюры и подъ благодушное раздуміе высокаго, прямого въ огромныхъ черныхъ очкахъ дѣда Степана съ такою же длинною сѣдою бородою, какъ у самого Черномора.

Черноморь на этотъ разъ не былъ очень сердитъ и не такъ ужъ ворчалъ на безумолчную болтовню Ваньки-Встаньки, но, наоборотъ, минутами даже не безъ удовольствія бросалъ свои грозные взоры въ сторону Ивана Царевича, мчавшагося безостановочно

вочно вотъ уже сколько мѣсяцевъ на своемъ вѣрномъ сѣромъ волкѣ, Ивана Царевича, лазурно-сѣрые глаза котораго были также обворожительно прекрасны, какъ глаза самого маленькаго Алеши въ финскомъ домикѣ на финскомъ суровомъ озерѣ. Черноморь все вспоминалъ при этомъ, какъ этотъ маленькій Алеша, первый, привѣтствовалъ всѣхъ ихъ: и его самого, и Ивана-Царевича, и Бабу-Ягу, и Ваньку-Встаньку, привѣтствовалъ радостнымъ крикомъ и смѣхомъ, когда тетя Нюра своей волшебной кистью накладывала на нихъ, выпиленныхъ изъ фанеры, послѣдніе яркіе мазки.

Ванька-Встанька безъ умолку болталъ, и все наши друзья — игрушки, сотворенныя русскими бѣженскими руками на продажу изъ-за куска хлѣба, въ этотъ вечеръ были всѣми мыслями своими, всѣми раздуміями своими, тамъ далеко «въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятomъ государствѣ» у занесеннаго снѣгами, у овѣяннаго финскими вѣтрами огромнаго суроваго озера, гдѣ живетъ и читаетъ русскихъ поэтовъ стихи Алеша, гдѣ вздыхаетъ и такъ изнемогаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ его Алешина мама, гдѣ тетя Нюра цѣлый день или выпиливаетъ, или краситъ изъ дерева, гдѣ въ большихъ круглыхъ очкахъ дѣдъ Степанъ живетъ неугасимой надеждой на лучшее будущее — на обязательный скорый конецъ большевиковъ, — живетъ и самъ постепенно угасаетъ, не предчувствуя, сколько еще лишнихъ хлопотъ доставитъ его ненужная смерть всѣмъ, спасающимся здѣсь въ бѣженской долѣ.

Черноморь — да и все собратья его по его несчастью — всецѣмъ было перенесены въ своихъ воспоминаніяхъ и мечтаніяхъ въ это бѣлое финское Шеркьярви, какъ вдругъ... какъ вдругъ кто-то непрошено, неожиданно и негаданно рѣшительно вмѣшался въ ихъ размѣренные ритмы раздумій и, право, прямо-таки насильно перепуталъ и перевернулъ буквально вверхъ ногами весь ритмическій строй ихъ чисто русскихъ безпочвенныхъ грѣзъ и мечтаній.

И это вовсе не былъ лѣнивый въ серебрянномъ ошейникѣ сѣрый Лордъ: нѣтъ, Лордъ и на этотъ разъ спалъ гдѣ-то у печки и который разъ въ своемъ собачьемъ снѣ еще и еще разъ обоняніемъ своимъ ощущалъ своего неизмѣннаго друга герра Адольфа Грюнке! Да... въ этотъ самый моментъ, когда герръ Адольфъ Грюнке рассказывалъ своей фрау Августѣ о томъ, какъ удачно была имъ распродана въ сочельникѣ цѣлая партія деревянныхъ раскрашенныхъ бабъ-Ягъ съ ихъ черными котами, въ этотъ самый моментъ, когда тамъ на Курфюрстенштрассѣ герръ Адольфъ Грюнке вдругъ поперхнулся на полусловъ и закричалъ: «да, мы всецѣмъ съ вами раз-

Мелочи къ Новому Году.

а) Гвоздика — цвѣтокъ моды въ красныхъ лиловыхъ тонахъ, прикалывается къ поясу или къ вырѣзу.

б) Испанскій платокъ съ бахромой изъ крепдешина, съ вышивкой специально для бальной залы.

в) Модная нитка бусъ изъ зеленого стекла, спадающая вдоль спины.

г) Модный „наручникъ“, носимый на лѣвой рукѣ и лежащій во время танца на спинѣ партнера: двѣ цѣпочки соединяютъ браслетъ и два кольца.

болтались и забыли...», въ этотъ самый моментъ кто-то рѣшительно и настойчиво постучался въ стекло огромнаго окна антиквариата на Тауентциенштрассе.

Да, это вмѣшательство было произведено невинно.

И все окно сразу же пришло въ движеніе.

Ванька-Встанька перетрухнулъ до смерти, Иванъ Царевичъ еще ближе прильнулъ къ шеѣ своего сѣраго вола. Даже у само-

го сѣраго волка прижались его чуткіе уши, а Черноморъ тотъ просто - таки спархнулъ въ сторону, вспомнивъ про свое старое Пушкинское несчастье съ Русланомъ. Тутъ былъ бы, вѣроятно, великій безпорядокъ, поднялась бы, вѣроятно, великая неразбериха, если бы вслѣдъ за этимъ стукомъ въ окно тотчасъ же не пробили двѣнадцать разъ старинные нѣмецкіе часы и если бы на сцену дѣйствія не явился бы тотчасъ же и самъ Фридрихъ Великій, гех Fridericus, — Фридрихъ деръ Гроссе, въ своемъ синемъ мундирѣ съ красными отворотами, въ треуголкѣ и напудренномъ шарикѣ, горбоносый, пронзительнымъ взоромъ, гибкій и изящный, несмотря на всю свою старость, Фридрихъ Великій.

— Съ новымъ годомъ, господа генералы... — торжественно провозгласилъ онъ какъ бы въ отвѣтъ на двѣнадцать ударовъ старинныхъ антикварныхъ часовъ...

И сразу всѣ поднялись и замерли въ ожиданіи.

И только одинъ огромный красивый сѣрый Лордъ съ серебряннымъ ошейникомъ на шеѣ продолжалъ мирно спать крѣпчайшимъ сномъ въ углу у самой печкѣ въ этотъ торжественный моментъ, когда даже давно остановившіеся старые фамильные прусскіе часы вдругъ очнулись какъ бы отъ летаргіи и застучали своимъ маятникомъ.

Но къ удивленію всѣхъ въ окно опять кто-то незванно и непрошено застучалъ, и еще рѣшительнѣе, и еще повелительнѣе застучалъ кто-то требуя, чтобы его выпустили и приняли тотчасъ же.

И опять всѣ переглянулись, какъ прежде, и, какъ прежде, Ванька - Встанька съ своего перепугу чуть не сшибъ съ ногъ и сѣраго волка, и самого Черномора. И опять какъ и прежде, выручилъ все тотъ же Фридрихъ деръ Гроссе. Въ синемъ мундирѣ съ красными отворотами, въ треуголкѣ и съ напудреннымъ шарикомъ онъ, гибкій и изящный, несмотря на всю свою старость, величественно выступилъ впередъ и торжественно потребовалъ незамедлительнаго отвѣта отъ того, кто это, незванный и непрошенный, въ этотъ традиціонный день такъ безцеремонно осмѣлился своимъ вмѣшательствомъ нарушить ритмически разбѣренную дремлющую тишину истинно - нѣмецкаго устатъ благонравія. Фридрихъ деръ Гроссе потребовалъ немедленнаго отвѣта и приподнял угрожающе свою палку.

И тутъ - то входная дверь подъ вывѣской «Antiquitäten» и «Adolf Grünke», несмотря на всѣ крѣпкіе нѣмецкіе запоры, старательно запертые герромъ Грюнке, открылись и старый Лордъ на этотъ разъ, наконецъ, проснувшись ото сна, не успѣлъ и опомниться, какъ рядомъ съ самимъ Фридрихомъ Великимъ очутилась какая-то огромная темная фигура и между ними начался сразу же оживленный разговоръ. Лордъ кснфузливо признался самому себѣ, что онъ опять прозѣвалъ и что его предупредительный лай теперь, когда моментъ уже упущенъ, будетъ только смѣшонъ, и покорно отошелъ въ сторону съ намѣреніемъ прислушаться къ разговору.

А Черноморъ, Пушкинскій Черноморъ изъ «Руслана и Людмилы, Черноморъ когда-то такъ счастливо задуманный и сдѣланный по рисунку Бертрама, попавшемуся подъ руку тети Нюры, окончательно обрусѣвшій Черноморъ, такъ и присѣлъ отъ изумленія, увидѣвъ, что рядомъ съ Фридрихомъ деръ Гроссе стоявшій гость былъ никто иной,

какъ, должно быть, чудомъ какимъ-то перенесшійся изъ финляндскаго лѣса, изъ домика на огромномъ финскомъ озерѣ, дѣдъ Степанъ.

Да, это былъ милый Алешинъ дѣдъ Степанъ!

Онъ стоялъ въ антикварномъ магазинѣ Адольфа Грюнке и, почтительно наклонившись къ Фридриху Великому, жалъ руку хозяина Берлина.

* * *

— А я сначала было подумалъ, что вы нашъ сказочный Николаусъ, святой Николаусъ, рождественскій дѣдъ, который, какъ вы знаете съ рождественскими подарками ходитъ въ сочельникъ по квартирамъ и кладетъ въ дѣтскіе башмаки свои рождественскіе подарки... — учтиво говорилъ Фридрихъ Великій.

— О, нѣтъ, зачѣмъ? Я только дѣдъ Степанъ, Алешинъ дѣдъ Степанъ, — отвѣчалъ дѣдъ Степанъ своимъ старческимъ голосомъ.

Дѣдъ Степанъ былъ въ своей финской шапкѣ съ ушами и борода его вся обмерзла сосульками отъ тѣхъ вѣтровъ, которые онъ испыталъ на себѣ за свое долгое путешествіе изъ - за тридевяти земель на берлинскій Тауентціенштрассе, изъ финскаго лѣса на уголъ къ высокому дому, съ вывѣской «Antiquitäten — Адольфъ Грюнке» и съ витриной, на которомъ рядомъ съ игрушками, художественно смастеренными голодными русскими бѣженцами, стоитъ уже давно великолѣпная фарфоровая фигура Фридриха деръ Гроссе.

Дѣдъ Степанъ стоялъ почтительно передъ Фридрихомъ Великимъ и что-то серьезно ему объяснялъ. Но голосъ дѣда Степана былъ совсѣмъ тихъ и никто не могъ бы разслышать о чемъ говорили эти два выходца съ того свѣта: Король - энтузіастъ Фридрихъ и старый русскій бѣженецъ, умершій отъ голодной бѣженской недоли.

Дѣдъ Степанъ, высокий дѣдъ Степанъ въ огромныхъ крутильхъ очкахъ, такой же, какимъ онъ былъ всегда тамъ на берегу огромнаго суроваго финскаго озера, въ маленькомъ бѣженскомъ домикѣ Алеши, настойчиво увѣрялъ своего высокаго собесѣдника, что право же не для собственнаго какого удовольствія онъ рѣшился пуститься въ это дальнее и для покойниковъ непри-

вычное путешествіе въ Берлинъ, а только потому, что больше уже не стало мочи и что послѣняя надежда, чтобы спасти его Алешу, по его Степанову дѣдову разумнію, что вся послѣдняя надежда теперь только на то, что помощь придетъ отсюда, изъ Берлина.

— Вѣдь недаромъ же и Черноморъ, и Иванъ Царевичъ, и даже Ванька - Встанька были отправлены именно сюда, ибо знакомый герра Грюнке нашъ Аркадій Альфредовичъ писалъ намъ въ Пергъярви, что такъ какъ въ Лондонѣ ихъ распродать не удастся, то можетъ быть продадутся они въ Берлинѣ... — такъ говорилъ дѣдъ Степанъ.

Но Фридрихъ деръ Гроссе замѣтно кснфузился и, какъ сразу было видно, не находилъ словъ для отвѣта дѣду Степану.

Мелочи къ Новому Году.

- а) Модные носовые платки съ ажурными монограммами и цвѣтной каймой.
- б) Модныя вечернія шляпы изъ чернаго шелка, украшенныя серебряными бусами и небольшой круженной вуалью.
- в) Вечерняя шляпа изъ чернаго фетра съ полями изъ золотого броката и кокардой изъ золотой ленты.
- г) Вечерняя сумочка изъ серебряннаго броката и зеленыхъ камней и бусъ.
- д) Модная сумочка съ кистями для папиросъ и пудры.
- е) Модныя палки изъ крокодиловой и ящеринной кожи къ моднымъ костюмамъ „a la garconne“ съ монограммой на боку.

Одинъ только сѣрый Лордъ понялъ по выраженію лица Фридриха Великаго, что король не хочетъ огорчить дѣда Степана отказомъ, но не можетъ и утѣшить его никакими обѣщаніями, ничѣмъ, ибо все въ мірѣ теперь изъ рукъ вонъ скверно, ибо все въ мірѣ кругомъ совѣмъ изъ рукъ вонъ скверно... Сѣрый Лордъ съ серебряннымъ ошейникомъ на шеѣ сразу же понялъ, что даже Фридрихъ Великій безпомощенъ теперь помочь чѣмъ либо дѣду Степану.

А дѣдъ Степанъ все никакъ не хотѣлъ этого понять, не могъ понять той простой истины, что и Фридрихъ деръ Гроссе теперь не во всѣхъ дѣлахъ что-нибудь значитъ. Дѣдъ Степанъ все увѣрялъ и упорно настаивалъ на правильности своихъ непоколебимыхъ расчетовъ, съ какими онъ задумалъ этотъ свой личный визитъ въ Берлинъ, какъ не тяжелъ для него былъ этотъ путь, по морю, отъ Ганго до Штеттина, и какъ не трудно было ему, старику, трястись отъ Штеттина до Берлина и по самому Берлину въ непривычныхъ унтергрундахъ и автобусахъ, а подъ конецъ и пѣшкомъ по огромному замерзшему Тиргартену.

Да... этотъ старый дѣдъ Степанъ въ эту морозную берлинскую ночь подъ Новый Годъ перепуталъ всѣ расчеты и весь порядокъ въ средѣ нѣмецкихъ обитателей антикварнаго магазина Адольфа Грюнке на Тауентцштрассѣ.

Вся обычная помпа при встрѣчѣ Нового Года не удалась, и мысли и чувства всѣхъ были встревожены тѣмъ рассказомъ, который принесъ съ собой неожиданно нежданно вторгнѣйся въ этотъ нѣмецкій міръ дѣдъ Степанъ изъ далекаго финскаго лѣса съ огромнаго финскаго озера, занесеннаго снѣжными бурями и метелями.

Самъ Фридрихъ деръ Гроссе на этотъ разъ подъ этотъ Новый Годъ не могъ ни на одну минуту забыть этого русскаго рассказа стараго бѣженца о его горестныхъ послѣднихъ старческихъ годахъ и о первыхъ молодыхъ годахъ его любимца внука сѣроглазаго Алеши. Фридрихъ Великій не могъ въ эту ночь отыскать ни одной свободной минуты, чтобы подумать о своихъ нѣмцахъ.

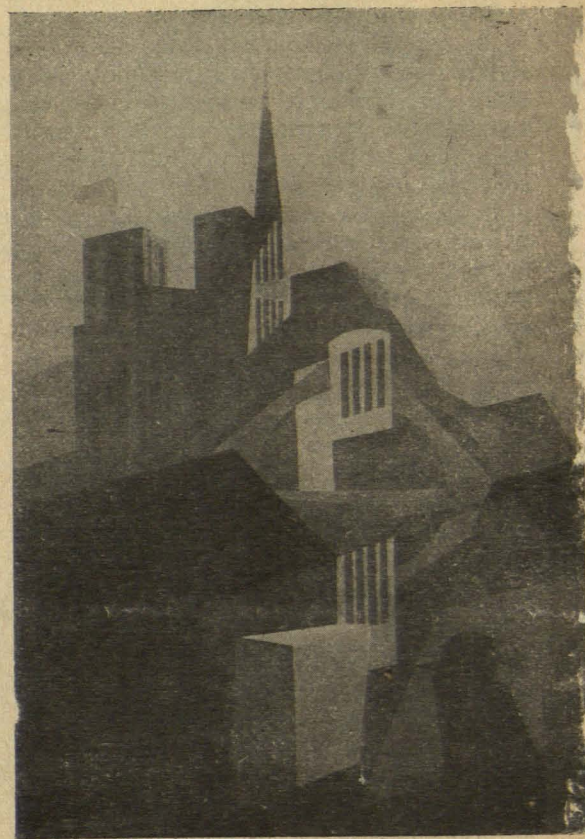
Черноморъ давно уже понялъ, что дѣдъ Степанъ принесъ съ собой изъ своего финскаго далека недобрый вѣсти. Ванька-Бетанька растерянно метался изъ стороны

въ сторону. А Иванъ Царевичъ, упавъ на шею своего вѣрнаго, своего сѣраго волка, просто плакалъ навзрыдъ дѣтскими горячими слезами.

Дѣдъ Степанъ рассказалъ въ эту ночь подъ Новый Годъ, что тамъ среди снѣговъ, у замеченнаго выюгами озера, въ занесенномъ снѣгами лѣсу, онъ лежитъ уже давно похороненный въ основомъ гробу, и что вотъ теперь его внучекъ Алеша, сѣроглазый Алеша, остался уже совѣмъ одинокимъ сиротой, ибо злые выюги его на вѣки разлучили и съ его умершей мамой и съ только что надорвавшейся на какой-то неосильной лѣсной рубкѣ въ финскомъ лѣсу тетей Нюрой, такъ искусно мастеровившей всѣхъ этихъ Черноморовъ, Иванъ Царевичей, сѣрыхъ волковъ, бабъ-Ягъ и Ванекъ-Встанекъ, которые когда-то имѣли спосрѣ даже въ далекомъ туманномъ Лондонѣ и спасали обитателей маленькаго финскаго домика, населеннаго русскими бѣженцами, отъ голода.

Въ Берлинѣ была морозная ночь подъ Новый Годъ, совѣмъ какъ русская или финская. Морозъ трещалъ и гонялся неотступно за замѣшкавшимися прохожими.

ЛОЛЛІИ ЛЬВОВЪ.

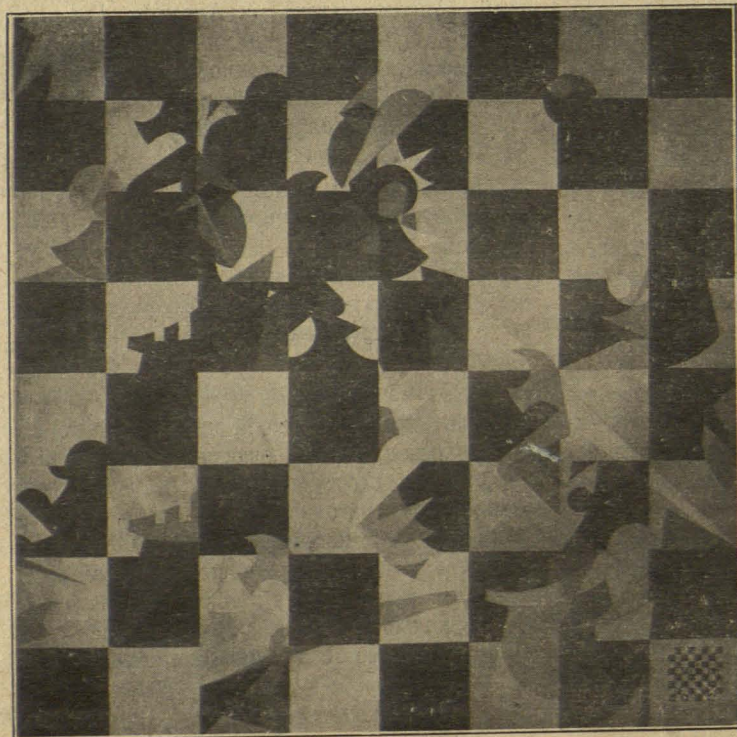
Русское искусство въ Парижѣ.

Картины художника Э. И. Блюменфельда на парижской выставкѣ „Des artistes independants“.

Вверху: Эйфелева башня“.

Слѣва: „Партія въ шахматы“.

Внизу: „Notre Dame de Paris“.

Демонъ.

Откуда прилетѣлъ? Какимъ ты дышишь горемъ?
Скажи мнѣ — отчего твои уста, летунъ,
Какъ мертвья, блѣды, а крылья патнутъ моремъ?
«И демонъ мнѣ въ отвѣтъ: «ты голоденъ и юнъ, —
— но не насытишься ты звуками... Не трогай
«натянутыхъ тобой, нестройныхъ этихъ струнъ.
«Нѣтъ выше музыки, чѣмъ тишина... Для строгой
«ты созданъ тишины; узнай ея печать
«на камнѣ, на любви — и въ звѣздахъ надъ дорогой»...
— — — — —
Исчезъ онъ. Таетъ ночь. Мнѣ Богъ велитъ звучать.

Берлинъ.

В. Сиринъ

